

Человек и культура

Правильная ссылка на статью:

Булатов И.А. — Роль «Дня русской культуры» в формировании идентичности русской эмиграции «первой волны» // Человек и культура. – 2023. – № 2. DOI: 10.25136/2409-8744.2023.2.40016 EDN: UDQZWZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40016

Роль «Дня русской культуры» в формировании идентичности русской эмиграции «первой волны»

Булатов Иван Александрович

ORCID: 0000-0001-7148-491X

кандидат исторических наук

доцент, кафедра "История и политология", Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.

410054, Россия, Саратовская область, г. Саратов, ул. Политехническая, 77

✉ kicum-333@yandex.ru

[Статья из рубрики "Теория коммуникации и медиалогия"](#)

DOI:

10.25136/2409-8744.2023.2.40016

EDN:

UDQZWZ

Дата направления статьи в редакцию:

21-03-2023

Аннотация: Предметом исследования является День русской культуры, праздновавшийся в большинстве стран русской эмиграции в день рождения А.С. Пушкина. В статье это торжество рассматривается не как узко культурное мероприятие, а как национальный праздник, то есть мероприятие чья ценность признаётся всеми членами нации, которые как зрители или участники вовлекаются в торжества. Особое внимание уделяется трём ключевым функциям праздника: объединяющей, защищающей молодежь от денационализации и поддерживающей чувство коллективного достоинства. Рассматриваются и другие функции, самые очевидные из которых развлекательная и просветительская, но именно эти три влияли на формирование особой эмигрантской идентичности. Демонстрируется, что несмотря на сохраняющиеся разногласия, разные политические силы принимали участие в подготовке и проведении праздника. При этом взгляд на историческое значение русской культуры и роль Пушкина мог различаться, но полемика оставалась в рамках праздника, который служил площадкой для коммуникации. Отдельное внимание уделяется прессе и её влиянию на становление и развитие Дня русской культуры. В тексте отмечается, что День русской культуры был феноменом белой эмиграции, выражающим её ценности и чаяния. Данное торжество

существовало и закрепляло белоэмигрантскую мифологию, одной из ключевых характеристик, которой была вера в скорое возвращение на Родину, «освобожденную» от коммунистов. Победа во Второй Мировой войне Советского Союза, привела к разочарованию эмигрантов в этой идее. Также в конце 40-г гг. в эмиграцию попала «вторая волна», сильно отличавшаяся по своим ценностям от предшественников. Эти факторы предопределили затухание и исчезновение, такого важного символа белой эмиграции, каким являлся День русской культуры.

Ключевые слова:

День русской культуры, эмиграция, Маклаков, национальная идентичность, Харбин, Париж, воспитание молодёжи, День св Владимира, национальный праздник, Пушкин

К эмиграции «первой волны» или белой эмиграции относят людей, которые покинули Россию в результате Гражданской войны в 1918-1922 гг. Исследователи расходятся в оценках численности этого исхода, но как правило цифры находятся в промежутке 1-2 млн. чел. Важной характеристикой русской эмиграции первой волны, отличающей её от других диаспор, была вера в скорое возвращение на Родину. В силу этого эмигранты не спешили вливаться в принимавшие их общества, а скорее чувствовали себя гостями, которые скоро отбудут домой. Но и за этот недолгий период требовалось не растерять то, что удалось ценного вывести из России: армию, культуру и русских детей. Последних нужно было спасать, как физически – от голода и болезней, так и духовно – от денационализации. Праздник «День русской культуры» (далее ДРК) должен был помочь с сохранением культуры и национального самосознания. Но перед тем, как обратиться непосредственно к празднику, нужно несколько слов сказать про идентичность белой эмиграции, в наиболее чистом виде представленную в 1920-е – 1930-е гг.

На сегодняшний день в науке превалирует мнение, что нация является интеллектуальным конструктом, «воображаемым сообществом», пришедшим на смену религиозной и сословной идентичностям. Если принять эту точку зрения, то мы можем говорить об одновременном существовании нескольких проектов русской нации, конкурирующих между собой за умы людей. Такая ситуация существовала уже в Российской Империи, но наиболее ярко проявилась после революции, когда возникли советский и эмигрантский проекты. Восприятие русскости кардинально изменилось в СССР, где зарождалась новая советская идентичность. Эмиграция пыталась сохранять имперское понимание русскости, однако, новые условия жизни накладывали свой отпечаток, в силу чего представляется более перспективным говорить о конструировании новой идентичности «белых русских», чем, собственно, о сохранении русскости (как об этом говорили сами эмигранты). Тут уместно будет вспомнить слова классика социологии Дюркгейма о том, что «общество состоит не только из массы образующих его индивидов, ... прежде всего оно состоит из своего представления о самом себе. И нет никаких сомнений, что иногда общество колеблется в отношении того, каким образом ему следует представлять себя. ... Эти конфликты вспыхивают не между идеалом и реальностью, а между двумя различными идеалами, вчерашним и сегодняшним, между тем, что обладает авторитетом традиции, и тем, что только начинает существовать» [\[19, с. 695\]](#). В Советском Союзе с традицией рвали осознанно и радикально, в эмиграции её пытались сохранить, но представление о себе неизбежно менялось.

Эти изменения были вызваны потерей Родины и противостоянием с большевиками.

Важную роль для самосознания приобретали культ белой армии и героев Гражданской войны, бескомпромиссный антикоммунизм. Для закрепления этих идей, требовались новые коммеморативные практики. Так стали создаваться новые места памяти, праздники и памятные даты. Новые торжества обеспечивали культурное единство во всех странах рассеяния и, одновременно, отличали эмигрантов от советских русских. Из праздников и памятных дней можно выделить, основанные на недавних событиях: «День ненависти и скорби» (Февральская революция), «День непримиримости» (Октябрьская революция); и, наполняющие новым смыслом старые даты: день св. Владимира, День российской молодёжи (12 июня, день рождения Петра I), Праздник российских воинов (6-е мая, день св. Георгия Победоносца), День православной российской культуры (28-е июля, день св. Владимира) [4, л. 2]. Самым распространённым и важным для формирования новой идентичности стал ДРК, отмечавшийся в день рождения А.С. Пушкина. При этом сам факт, что национальный праздник, то есть событие призванное сплотить нацию, игнорируя политические, этнические и религиозные различия, был основан на культурном, а не политическом или военном событии, что в мире встречается гораздо чаще [44, p. 212; 43, p. 213-215], ярко характеризует белую эмиграцию.

История праздника.

В первые годы эмиграции педагоги и общественные деятели стали поднимать вопрос о возможности потери молодёжью русского самосознания. Эмигрантские школы и внешкольные организации добавляли больше национальных элементов в свои программы, видные философы и писатели посвящали этой теме свои статьи. На этой волне 26 мая 1924 г. в Эстонии был проведён «День русского просвещения», приуроченный к 125-летию со дня рождения А.С. Пушкина [37, с. 73]. Уже в эмиграции появились альтернативные идеи о происхождении праздника. Так В. Колокольников [22], писал о преемственности этого праздника от инициативы петроградского «Дома литераторов» отмечать день смерти Пушкина, как праздник русской культуры. Однако, связь этих событий не находит подтверждений, так что, судя по всему, русская диаспора Эстонии самостоятельно пришла к празднику. Идеей заинтересовались в Педагогическом Бюро по делам средней и низшей русской школы за границей. Эта организация старалась координировать работу и материально поддерживать русское образование в эмиграции, и также одной из первых поставила вопрос о борьбе с денационализацией. В 1924 г. Бюро изучило эстонский опыт и решило позаимствовать его, переименовав праздник в День русской культуры [29], а дату празднования перенесла с 26 мая на 8 июня. То есть со старого стиля перешли на новый. Однако, внимательный исследователь сразу обратит внимание, что по новому стилю должно быть 6-е июня. В эмиграции существовали разногласия по поводу расчета разницы между календарями в силу чего, большинство приняло 8-е июня, но отдельные группы эмигрантов отмечали праздник 6-го числа [21].

Для продвижения нового мероприятия было подготовлено воззвание, выпущенное тиражом в 1000 экз. и разосланное по всем странам, где проживали русские. Под воззванием помимо Педагогического бюро подписались ещё 4 организации: Правление союза русских академических организаций, Правление союза русских учительских организаций за границей, Объединение русских эмигрантских студенческих организаций, Российский земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей. Большинство эмигрантских газет разместили воззвание. Вот как об этом писала ежедневная парижская газета «Возрождение»: «8 июня, в годовщину дня рождения А.С. Пушкина, по почину ряда русских организаций в Праге, во всех русских зарубежных центрах будет устроено празднование "дня русской культуры", имеющее целью

объединить разбросанных повсюду русских людей, лишенных живой связи между собой и общих культурных задач» [6]. География праздника быстро увеличивалась. В первый же год торжественные мероприятия охватили 13 стран, в следующем 1926 г. участвовали эмигранты в 20 странах [1, с. 152]. В конце 20-х – 30-х гг. ДРК не терял своего значения для русской эмиграции, однако, праздник не пережил Второй Мировой войны. В Финляндии последний ДРК был проведен в 1940 г. [25, с. 304.], а в Харбине в 1942 г. [1, с. 158].

Программа ДРК.

Мероприятия, устраиваемые на ДРК, различались от региона к региону. В первую очередь это было вызвано разными возможностями колоний, вытекающими из их численности и организованности. Так в маленьком городке типа Нанси могли ограничиться одним концертом в студенческом общежитии [16]. В Белграде праздновали уже четыре дня, а в Париже торжества растягивались на неделю. При этом можно выделить определенные общие черты. Как правило празднества начинались с утреннего молебна [21]. Далее, если русская колония была достаточно велика, то торжества делились на взрослую и детскую части. На них обязательно читались лекции, посвященные России и русской культуре, организовывались музыкальные выступления, иногда к ним добавлялись и танцевальные номера. Детские мероприятия отличались от взрослых большей степенью вовлеченности публики в проведение праздника. Это могло проявляться в выступлениях разнообразных кружков: музыкальных, танцевальных, театральных и т.д. Во взрослой части было гораздо меньше самодеятельности, выступали профессиональные коллективы, зачастую заслужившие мировое признание. На заседаниях было больше докладчиков, чем в детской части. При наличии средств, организационный комитет ДРК издавал однодневный журнал или газету, куда включались отчеты о подготовке и проведении мероприятий, а также специально подготовленные статьи на заданные темы, зачастую приуроченные к юбилейным датам из истории России [1, с. 156-157]. Обязательной частью праздника стало его широкое освещение в прессе. Анонсы торжественных мероприятий появлялись за несколько дней, а то и недель, а далее уже публиковались отчеты о празднике и особенно выдающиеся речи. В Париже с конца 20-х гг. специальные праздничные концерты стали передаваться и по радио [28].

Цели Дня русской культуры.

Одной из важнейших задач праздника было сплочение всей эмиграции, что осложнялось тем, что в России такого праздника не было. Этому факту была посвящена речь В.А. Маклакова, произнесенная им в 1926 г. на собрании в Сорбонне. Он отмечал, что Российская Империя не создала национального-государственного праздника, вместо него были или религиозные, или династические, но политического не было. Далее Маклаков подробно разобрал, почему для русских людей национальным праздником должно стать событие культурное, а не политическое. Причиной этого был назван тот факт, что в политическом плане «нет дня в нашем прошлом, который мог бы всех слить во едино» и в силу этого «днем, который ни в ком не может вызвать ни сомнения, ни разногласия» был выбран день рождения Пушкина [24, с. 1, 3].

Устроители праздника ожидали, что объединяющий потенциал «солнца русской поэзии» передастся и празднику. И оказались правы. Например, в редакционной статье берлинского журнала «Руль» писали, что «нет другого момента в русской заграничной

жизни, который всех только сплавивал, никого не разъединяя, всех только объединял никого, не отталкивая» [10]. Во множестве других статей мы встречаем схожие мысли. Кто-то говорил об имени Пушкина, как о «белом знамени праздничного перемирия среди ... политической борьбы» [33, с. 2], другие отмечали, что «на защите общих бесспорных ценностей русской культуры ... могут сойтись люди самых разных взглядов» [9], «вопрос чествования «первого поэта» ... вызвал вдруг такой подъём, в котором исчезли все наши не глубокие, но – увы! – неустрашимые распри» [30]. В Харбине на протяжении 1930-х гг. организацией торжеств занимался Харбинский комитет помощи русским беженцам потому, что это была «организация аполитичная и общеэмигрантская», а праздник должен был объединить всех вне зависимости от политических предпочтений [26, с. 37].

Помимо объединения политического, подразумевалось и объединение географическое: «Париж и русская деревушка в Эстонии, польские Крессы и Брюссель – на такое объединение сложно было рассчитывать; и оно происходит» [11]. Этому способствовал как сам факт того, что в один день все русские люди отмечали общий праздник, так и работа прессы. Описание торжеств расходилось по всем странам рассеяния. Так уже на старте праздника в 1925 г. в печатавшейся в Париже газете «Последние новости» был опубликован подробный план торжеств как во Франции, так и в Праге и Белграде, и перечислены остальные страны, в которых планировались мероприятия [8]. А комитет по проведению ДРК в Харбине обратился к европейской эмиграции с просьбой присылать тексты для праздничного сборника. Ряд публицистов откликнулся, «показавши этим практическую возможность и осуществимость идеи тесного единения русских на почве общей национальной работы» [26, с. 37].

Кроме духовного, важно было и физическое единение. При описании музыкального концерта в Трокадеро, проскальзывает следующая фраза: «тысячи русских людей пришли туда, не только ища эстетического удовольствия, но и объединения, в общем, национальном и патриотическом чувстве» [2], и спустя два года по тому же поводу: «мы привыкли наш русский национальный праздник праздновать в густой русской толпе» [12]. Эти слова заставляют вспомнить Дюркгейма: «чтобы общество могло осознавать себя и поддерживать необходимый уровень интенсивности этого самосознания, оно должно собираться и сосредотачиваться» [19, с. 694]. Так что ДРК, в первую очередь событие символическое и духовное, нес в себе также и физическую составляющую.

При всем сказанном не следует абсолютизировать объединяющий потенциал ДРК, на что уже указывали отечественные исследователи [21]. Так либеральные «Последние новости» сразу вступили в полемику с консервативным «Новым временем» (Белград), выступившим против праздника. В «Последних новостях» заявили о необходимости признания связи культуры с «судьбами русского либерализма», т.к. «держиморды в празднике русской культуры участвовать не могут» [8]. Правда «держиморды» в лице «Нового времени» и не собирались участвовать, став одной из немногих сил, выступившей против праздника. Доставалось «реакционерам» в праздник не только от либералов, но и от социалистов. Так в эсеровской газете «Дни» отметили, что праздник хороший, но история русской культуры это в первую очередь «история борьбы свободного духа нации» с бездушной и бездуховной государственностью [20]. Ответом левым силам можно считать публикацию в умеренно монархическом органе «Возрождение», где автор под псевдонимом Чуб, обвинил П.Н. Милюкова в расколе праздника в Париже на две части по политическому принципу: в Сорбонне для

национально мыслящих, в Трокадеро для республиканцев [\[38\]](#).

Борьба за политическую принадлежность праздника, не является особенностью ДРК, а характерна для большинства национальных праздников, [\[43, p. 209; 44, p. 215; 42, p. 71\]](#). При этом Пушкинский день предоставил площадку для диалога и кооперации разных сил. И милюковские «Последние новости», и редактируемое П.Б. Струве «Возрождение» публиковали анонсы и отчеты о всех праздничных мероприятиях: и в Трокадеро, и в Сорбонне. Важно то, что они перенесли свое противостояние внутрь праздника, а не разделились на «за» и «против» него (с редкими исключениями).

Встречался и другой тип раскольников, праздник в целом одобрявших, но желавших выбрать другую историческую дату для него [\[13\]](#). Главным конкурентом Пушкина стал князь Владимир Святославович [\[21\]](#), сторонники которого преимущественно были сконцентрированы в Белграде. Как говорилось выше, местные консерваторы с самого начала были критично настроены к пушкинскому дню. В Белграде праздник св. Владимира называли днем «Русской славы», в подражание сербской традиции славить предков с момента приобщения к христианству. В 1929 г. белградские «владимировцы» поставили вопрос о переносе праздника, а в 1930 г. было решено отмечать оба праздника [\[14\]](#). В Харбине аналогичный праздник получил название День православной российской культуры. В этом городе главными сторонниками св. Владимира были фашисты во главе с К.В. Родзаевским. И в 1944 г. им даже удалось провести свой праздник вместо ДРК [\[3, л. 38, 39.\]](#). Но все же это были редкие исключения.

В своем первом воззвании Педагогическое бюро говорило о двух проблемах эмиграции с решением, которых мог помочь ДРК. О разобщенности эмиграции было сказано выше. Второй же проблемой была признана «утрата живого чувства родины» [\[7\]](#). В силу этого ни один праздник не обходился без участия молодежи. В Мукдене в 1926 г. ДРК проводился только силами учеников и сотрудников реального училища православного братства [\[36, с. 223\]](#). В том же году праздник пришел в Харбин, и, вначале, также ограничился стенами 1-го Харбинского смешанного реального училища [\[37, с. 80\]](#). В 30-е гг. в этом городе установилась практика отделения детского праздника от взрослого. Детская часть проходила утром и начиналась с молебна в Св. Николаевской церкви, потом дети стройными рядами, построившись по школам или организациям, под флагами маршировали к месту основных торжеств. Численность участников разнилась, но как правило приглашалось несколько сотен подростков, например, в 1936 г. планировалась участие 600 ребят [\[1\]](#). В Париже к мероприятиям традиционно привлекались учебные заведения и детско-юношеские организации, так в 1930 г. их было шесть [\[27\]](#), в 1931 г. девять [\[31\]](#). ДРК становился своеобразной витриной для эмигрантских детских движений: «среди публики – стройные группы молодёжи в форме, алеют малиновые верхи сокольских шапок, синие и черные блузы «Витязей», защитные рубахи скаутов» [\[17\]](#). В Берлине для детей арендовали пароход на 250 человек, на котором их катали по оз. Мюгель, кормили обедом и затем развлекали песнями, танцами и поучительными лекциями [\[15\]](#). При возможности праздничные мероприятия подстраивались под разные возрасты. Так в Париже детский сад Объединения Земских и Городских Деятелей (Земгор) устраивал праздник для детей 3-8 лет [\[12\]](#). Русское Студенческое Христианское Движение (РСХД) в том же городе утром устраивало мероприятия для детей 10-14 лет, а вечером собирало юношество [\[18\]](#).

Важной составной частью национальной идентичности является чувство принадлежности

к чему-то великому. ДРК справлялся и с этой задачей. Следует помнить, что белые эмигранты – это люди, проигравшие две войны, изгнанные с Родины, вынужденные трудиться на непрестижных профессиях. В силу этого беженцы поддерживали свое достоинство через причастность к великой культуре. Для национальной идентичности крайне важен «золотой век» нации, когда складывалось ее ядро и расцветал творческий гений [\[41, р. 112, 117\]](#). Не менее важно и признание национального вклада в общечеловеческую цивилизацию [\[40, р. 7-8; 41, р. 117\]](#). Достижения русской культуры всячески подчеркивались публицистами, пишущими о ДРК: «Перед великим обликом русской культуры, покоряющим и вынуждающим признание даже и врагов России...» [\[11\]](#), «наша культура сумела поразить этот Запад; принести ему откровения, двинуть его культуру вперед» [\[24, с. 5\]](#), «мы не какие-то отсталые ряды человечества, а великая нация, вложившаяся огромным вкладом в общую сокровищницу человеческого духа» [\[34\]](#), «мощную и оригинальную государственность» отмечал философ Н.О. Лосский в статье с говорящим названием «О мировом характере русской культуры» [\[23, с. 7\]](#).

Данная апологетика русских достижений была важна для того, что Ф. Фукуяма называет тимосом или яростным духом, отвечающим за чувство собственного достоинства. По мнению Фукуямы утверждение своего достоинства может идти двумя путями: через личное признание и принадлежность к группе. Именно на втором пути лежит национализм [\[35, с. 20, 84-85\]](#). Это чувство хорошо сформулировал председатель общества сибиряков в Харбине А.Г. Грызов в письме, написанном в 1936 г.: «День воспоминания русскими людьми на чужбине родной Русской Культуры и её славных творцов и подвижников, - это естественное право гордости таким прошлым, это счастье и утешение в тяжелых современных переживаниях и это обязательство хранения, развития и совершенствования Русской Культуры в настоящем и будущем и вера в торжество её» [\[5, л. 18\]](#).

ДРК в контексте эмиграции.

Отличительной чертой ДРК, как национального праздника, был отрыв от Родины. Исследователи указывают на важную роль государства в организации таких торжеств [\[43, р. 209\]](#). Этот факт тем более важен, что русская эмиграция была носителем идеи гражданской нации, точнее ее имперской разновидности. Это отличало русскую диаспору от таких этнически и культурно закрытых диаспор, как еврейская и армянская. Более того евреи и армяне при желании могли включаться в русскую идентичность. Но если выстраивание включающей гражданской идентичности является естественным для большого государства, это удивительно для эмигрантов, от которых скорее было можно ожидать переход к защитному этнонационализму. Это подводит нас к вопросу об особенностях конструирования национальной идентичности у эмигрантов. Одной из этих особенностей является то, что у эмигрантов практически отсутствуют элементы банального национализма. Майкл Биллинг в своей книге «Банальный национализм» [\[39\]](#) выделяет два типа национализма: банальный и горячий. Первый описывает повседневные, обычно неосознаваемые практики по конструированию нации (флаги на государственных зданиях, марки и монеты с государственными символами и т.д.). Такой тип национализма является характерным для состоявшихся национальных государств. Горячий же национализм, как правило можно наблюдать на стадии становления наций и при обострении межнациональных конфликтов. Государственные праздники являются примером банального национализма, но только при условии, что они проводятся в национальном государстве. В эмиграции практически любое действие, как-то связанное

с маркерами национальной идентичности, осуществляется осознанно. Конечно, простого осмысления повседневных практик, принесенных с Родины, было недостаточно, в силу чего и внедрялись новые мероприятия по сохранению идентичности, которые были не нужны в национальном государстве. Это метко отметил В.А. Маклаков: «там, где есть реальность, не нужно символов: в доме, где все ещё живы, не нужно портретов членов семьи» [\[24, с. 3\]](#).

Хотя эмигранты и лишились своего национального государства, оно не перестало играть своей важной роли в их сплочении. Как отмечает немецкая исследовательница Карола Лентц: «национальные дни призывают граждан помнить, воссоздавать и переосмысливать национальное прошлое и стремиться усилить свою эмоциональную привязанность к национальному государству» [\[43, р. 208\]](#). Таким же образом действовал и ДРК, укрепляя солидарность эмиграции в том числе опираясь на общую любовь к России и веру в неизбежность возвращения туда.

ДРК был проявлением государственнического инстинкта русского народа. Фактически этот праздник стал самой яркой попыткой эмиграции по конструированию коллективной идентичности. Русская интеллигенция, оторванная от Родины и вследствие этого вынужденная перейти от поддерживающего «банального национализма» к более активным практикам, попыталась сделать национальным праздником день рождения символа русской культуры. Мирослав Хрох писал, что «сплоченность нации зиждется на том, насколько сильно чувство согласия по поводу того, что составляет ценности нации» [\[40, р. 8\]](#). Фигура Пушкина обеспечивала такое согласие. Тем более, что политические дразги не давали выбрать бесспорное событие в политической истории, а широкая трактовка русской нации, включавшая в том числе протестантов, мусульман, буддистов и т.д. не позволяла провозгласить национальным религиозный праздник. При этом сами эмигранты осознавали, что отмечают не просто культурное событие, а придают ему «характер национальной демонстрации» [\[30\]](#). У ДРК безусловно были и другие цели: развлекательная, просветительская, ознакомительная для иностранцев, но на первом месте оставалась задача по конструированию идентичности.

Что касается причин угасания праздника, то тут не будет лишним снова обратиться к Дюркгейму: «Мы знаем, что Великая французская революция учредила целый цикл празднеств, чтобы сохранить принципы, которыми она вдохновлялась, в состоянии вечной молодости. Если этот институт быстро пришел в упадок, то потому, что революционная вера жила недолго: первоначальный энтузиазм скоро сменился разочарованием и унынием» [\[19, с. 703\]](#). Тоже самое справедливо и для белоэмигрантских практик по поддержанию идентичности. Они существовали пока жила вера в скорое возвращение на Родину. Т.К. Савченко верно отметила, что «задача сохранения культуры была связана с надеждой вернуться на родину» [\[32, с. 95\]](#). Чем больше проходило времени, тем больше эмигранты разочаровывались в этой вере, уставая ждать. После же победы СССР в Великой Отечественной войне стало понятно, что коммунизм крепок и в ближайшее время не падет, в силу этого белая идентичность, хоть и не исчезла вовсе, но стала гораздо менее заметной. Таким образом мы можем говорить, что в эмиграции был поставлен интересный эксперимент по конструированию новой общности в рамках широкой русской нации. Белые русские отличались от советских русских своими взглядами на историю, политику, культуру. Отличалась даже грамматика, так как эмигранты предпочитали дореформенный вариант. Новое самосознание подкреплялось новыми символами, и закрепляющими их практиками, самой яркой из которых был ДРК. Как писал Э. Ренан для становления нации важны

жертвы, принесенные ради неё в прошлом, и готовность принести их в будущем [45]. Однако, Вторая Мировая война, дав возможность принести эти жертвы, забрала жизни наиболее активных эмигрантов и показала невозможность возвращения в Россию (по крайней мере живым и свободным). Другим итогом войны стало разрушение старых общин в Европе и на Дальнем Востоке, разбавление эмиграции первой волны второй волной, уже советских эмигрантов, потерей большого количества пассионарных носителей идентичности белых русских и разочарованием в идее возвращения в национальную Россию. Все это определило невозможность широкого распространения этой идентичности, и соответственно потерю популярности, поддерживающих ее практик, таких как ДРК.

Библиография

1. Булатов И.А. Празднование Дня Русской Культуры на примере Харбина // Исторический журнал: научные исследования. 2021. № 1. С.151-158.
2. Вечер в Трокадеро // Возрождение. 1927. № 735. С. 3.
3. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 213.
4. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 245.
5. ГАХК. Ф. 1128. Оп. 1. Д. 156.
6. День русской культуры // Возрождение. 1925. №2. С. 3.
7. День русской культуры // Звено. 1925. № 123. С. 4.
8. День русской культуры // Последние новости. 1925. №1570. С. 3.
9. День русской культуры // Дни. 1926. № 1022. С. 1.
10. День русской культуры // Руль. 1927. № 1982. С. 1.
11. День русской культуры // Руль. 1928. № 2289. С. 1.
12. День русской культуры // Возрождение. 1929. № 1468. С. 2.
13. День русской культуры // Руль. 1930. № 2897. С. 2.
14. День русской культуры. Белград // Возрождение. 1930. № 1841. С. 2.
15. День русской культуры. В Берлине // Возрождение. 1927. № 735. С. 3.
16. День русской культуры. Нанси // Возрождение. 1928. № 1102. С. 4.
17. «День русской культуры» у молодёжи // Возрождение. 1933. № 2905. С. 3.
18. Детский праздник // Возрождение. 1928. № 1099. С. 6.
19. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М.: Дело, 2018. 736 с.
20. За русскую культуру // Дни. 1925. № 783. С. 1.
21. Ковалев М.В. Празднование «Дня русской культуры» в 1920-е-начале 1940-х гг.: коммеморативные практики, символы, идентичность // Электронный научно-образовательный журнал "История". 2017. № 9 (63). [Электронный ресурс]. URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840002024-5-1/> (дата обращения: 14.05.2021). DOI: 10.18254/S0002024-5-1
22. Колокольников В. День русской культуры // День русской культуры. Харбин, 1930. С. 9-10.
23. Лосский Н. О мировом характере русской культуры // День русской культуры в Харбине в 1933 г. Харбин, 1933. С. 6-7.
24. Маклаков В.А. Русская культура и А.С. Пушкин // Мир и искусство. 1930. №4. С. 1-5.
25. Невалайнен П. Изгои. Российские беженцы в Финляндии (1917-1939). СПб.: Издательство «Журнал Нева», 2003.

26. Организация «Дня Русской культуры» в 1931 г. // День русской культуры. Харбин, 1931. С. 37-38.
27. Праздник для молодёжи // Возрождение. 1930. № 1829. С. 3.
28. Празднование на радио Эйфелевой башни // Возрождение. 1927. № 735. С. 3
29. Р.С. История праздника // Последние новости. 1926. №1903. С. 2.
30. Н. Концерт в Трокадеро // Возрождение. 1928. № 1103. С. 4.
31. Русские разведчики // Часовой. 1931. № 57. С. 7.
32. Савченко Т.К. «Дни русской культуры» в Русском зарубежье 1920–30-х гг. // Русский язык за рубежом. 2011. № 5. С. 89-95.
33. Степун Ф.А. Россия и культура. Речь на «Дне Русской Культуры» // Руль. 1929. № 2595. С. 2-3.
34. Федоров М. Завтрашний праздник // Последние новости. 1926. № 1902. С. 3.
35. Фукуяма Ф. Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия. М.: Альпина Паблишер, 2019. 256 с.
36. Хохлов А.Н. Дни русской культуры в Харбине до и после 1931 г. // Общество и государство в Китае. Т. XLIV, ч. 2. М.: ИВ РАН, 2014. С. 222-238.
37. Цуриков Н.А. День русской культуры. Обзор празднования в 1926 г. // Вестник педагогического бюро. 1927. Прага. № 6. С. 73-94.
38. Чуб. Почему «два дня русской культуры» // Возрождение. 1926. № 376. С. 3.
39. Billig M. Banal Nationalism. London: SAGE Publications, 1995. pp. 208
40. Hroch M. The nation as the cradle of nationalism and patriotism // Nations and Nationalism. 2020. № 26 (1). P. 5–21.
41. Hutchinson J. Myth against myth: the nation as ethnic overlay // Nations and Nationalism. 2004. № 10 (1/2). P. 109–123.
42. Kertzer D.I. Ritual, Politics, and Power. New Haven: Yale University Press, 1988. 235 p.
43. Lentz C. Celebrating independence jubilees and the millennium: national days in Africa // Nations and Nationalism. 2013. № 19 (2). P. 208-216.
44. McCrone D., McPherson G. Marking Time: The Significance of National Days // National Days: Constructing and Mobilising National Identity / Eds. by D. McCrone and G. McPherson. London: Palgrave Macmillan, 2009. P. 212-221.
45. Renan E. What is a Nation? [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20110827065548/http://www.cooper.edu/humanities/core/hss3/e_renan.html (дата обращения: 14.09.2021).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв на статью «Роль «Дня русской культуры» в формировании идентичности русской эмиграции «первой волны»

Предмет исследования- значение праздника «День русской культуры» в формировании идентичности русской эмиграции первой волны.

Методология исследования. Методологическую и теоретическую основу исследования составили принципы историзма, объективности и системности научного анализа. Они

позволили выявить взаимосвязи между различными историческими фактами. В частности, принцип историзма дал возможность исследовать проблему применительно к конкретным условиям формирования русской диаспоры первой волны и конкретным формам ее деятельности в разных странах. Принцип объективности позволил исключить элементы предвзятости, показать, в каких условиях происходила формирование идентичности русской эмиграции в 1920-ые годы и какие факторы повлияли на снижение ее активности после Второй мировой войны. Системный метод стал основой для рассмотрения изучаемой проблемы как целостного явления, исследовать факторы формирования русской идентичности, исследовать коллективное поведение русской диаспоры в целом. Автор рецензируемой работы также опирался на метод сравнительного анализа при рассмотрении идеологических воззрений некоторых представителей русской диаспоры первой волны.

Актуальность исследования определяется тем, что проблема формирования идентичности является в настоящее время одной из актуальных проблем в этнологии, социологии, истории, культурологии, социальной философии. Проблема самоидентификации русской диаспоры первой волны актуальна с точки зрения изучения опыта русской диаспоры первой волны, ее деятельности по сохранению русской культуры, языка, системы ценностей, ее адаптации в местах проживания.

Научная новизна определяется тем, что рецензируемая статья фактически первая работа, в которой анализируется роль «Дня русской культуры» в формировании идентичности русской диаспоры первой волны. В работе проведено системное изучение как шло формирование этого праздника и его роли и значения в жизни диаспоры в разных странах, формы проведения этого праздника.

Стиль работы академический, вместе с тем он будет понятен и для широкого круга читателей, так как написан доходчиво и ясно. Структура работы состоит из небольшой вступительной части (в ней автор рецензируемой статьи, дает характеристику русской эмиграции первой волны и тех социально-культурных условий в которых она действовала в первое время, а также раскрывает понятие идентичность, нация). Основная часть работы состоит из следующих разделов: история праздника», программа ДРК», цели Дня русской культуры, ДРК в контексте эмиграции. Структура работы направлена на достижение цели и задач, поставленных автором. Структура логично выстроена и дает читателю полное и всестороннее представление о роли и значении праздника в жизни русской эмиграции первой волны и роли праздника в формировании идентичности русской эмиграции первой волны в разных странах.

Библиография работы состоит из 45 позиций и показывает, что автор прекрасно знает тему и разбирается также в смежных темах. Библиография и проделанный автором анализ литературы, структура работы и ее содержание являются ответом оппонентам.

Выводы объективны и вытекают из проделанной автором работы. Статья несомненно имеет признаки новизны, написана на актуальную и интересную тему, будет интересна читателям журнала.